

ИСТОРИЯ БЕЗ УЧЕБНИКА

Рустам Иванович Курбатов,

*учитель истории, директор лицея «Ковчег XXI»
г. Красногорск Московской области*

Инициатива Президента РФ о подготовке единого учебника по истории оживила дискуссию о том, каким быть школьному учебнику по этому предмету, о содержании школьного курса истории в целом. Разумеется, проблема «правильного учебника» крайне важна для школьного учителя и тем более для старшеклассника, которому предстоит сдача ГИА и ЕГЭ: не должно быть противоречий в том материале, который проверяется в тестовой форме. Но вместе с тем мы понимаем, что в нынешних условиях учебник — не единственный источник информации для ученика. Интернет, журналы, энциклопедии, книги, фильмы — вот откуда школьник сегодня узнаёт об истории. Автор статьи рассказывает о том, как можно на уроке истории работать с другими источниками информации: устными рассказами — свидетельствами (устная история) и с видеоматериалами — документальными и художественными фильмами. Конечно, эти источники не могут заменить учебник по истории, но становятся существенным дополнением к нему. Образно говоря, они дают новое измерение истории, делают картину прошлого более объёмной и эмоционально насыщенной, что для ребёнка ещё важнее, чем для взрослого.

• устная история • «мир глазами подростка» • повседневность, компетенции • видеofilмы • исследовательский метод

История для семилетнего человека

В начальной школе всё очень просто. Расспрашиваем родителей, бабушек и дедушек, занимаемся тем, что называется устной историей.

История семьи: даты рождения, степени родства, семейные легенды, фотографии, рассказы о том, какой была жизнь, когда родителям было семь лет...

...Когда моим родителям было семь лет... Какой была тогда школа? Где учились родители? Большая ли была школа, сколько учеников в классе? Строгими ли были учителя? Дисциплина? С кем дружили? Кто

такие октябрята и пионеры? Любили ли родители школу? Хотели бы они снова стать маленькими и пойти в первый класс? Хорошо бы посмотреть семейный альбом, найти фотографии. Может, сохранились почётные грамоты, дневники, другие предметы «пионерского детства» родителей?

...Когда моей бабушке (дедушке) было семь лет — а тогда какой была школа? Те же вопросы, что и для родителей. Ребёнок может сравнить эти два рассказа, задуматься о том, что в истории всё меняется. Выслушав одноклассников, он попытается увидеть какие-то общие черты в рассказах о школе родителей, бабушек и дедушек.

Вещи с историей. Дома у каждого есть особые вещи. Попросить родителей рассказать об этих «реликвиях». Когда они появились в доме? Почему эти вещи особенно дороги? С какими событиями жизни семьи они связаны? Оказывается, предметы, которые окружают ребёнка — не просто предметы обихода: они «помнят» историю семьи и людей, которых уже нет среди нас.

История места, где ты родился: что здесь было 20, 50, 100 лет назад... Понимание, что твоё существование каким-то образом соотносится с жизнью других людей, чувство причастности и общности — *укоренённость*: то, чего не хватает современному человеку.

Память о войне. В каждой семье есть человек, прошедший Великую Отечественную. Если он дожил до наших дней — взять интервью, расспросить, попросить показать письма и фотографии. Когда призвали на фронт? Сколько было лет? Где воевал? Самые сильные воспоминания; истории, врезавшиеся в память... Если эти люди не дожили до наших дней — попросить рассказать родителей. Что знают они? Что им рассказывали о войне? Сохранились ли письма, фотографии?

О том, как пропадали люди. Почти в каждой семье есть человек, прошедший террор тридцатых-пятидесятых годов — раскулаченные, переселенцы, «враги народа» и члены их семей... Об этом рассказывают неохотно: не всегда знают о своих репрессированных родственниках и не всегда хотят говорить. Поэтому, особенно важно, чтобы дети услышали эти истории, сохранили память об «исчезнувших родственниках».

Война глазами подростка

Устной историей могут заниматься не только семилетние дети, но и тинейджеры, пятнадцатилетние подростки. Девятый класс. История России. Отложим в сторону учебник.

Воспользуемся редким шансом — мы живём среди участников этой истории. Расспросим их о «той жизни»: при Сталине, при Хрущёве, в эпоху «застоя». Какими были наши родители, бабушки и дедушки, когда им было 15 лет — столько, сколько сейчас нам, ученикам девятого класса? Как они жили? Что думали и во что верили? Так родился проект, над которым мы работали в течение двух месяцев на уроках истории. Проект назвали «Мир глазами подростка». Определили три «направления исследования»: подросток и школа, подросток и семья, подросток и государство. Выделили шесть временных промежутков: тридцатые годы, война, послевоенное десятилетие, периоды «оттепели», «застоя» и «перестройки». На пересечении трёх направлений и шести периодов образовалось 18 тем — каждый ученик выбрал свою, и началась работа... Большая часть исследований посвящена военным годам. Ясно, что не война, изложенная в учебниках истории: цифры, схемы сражений, подвиг народа. И более того — это даже не война, рассказанная фронтовиками. По причине простой и грустной — этим людям уже девятый десяток лет... Это другая, не совсем ожидаемая война — война, пережитая десяти-пятнадцатилетними подростками. Здесь нет рассказов о сражениях — только «обычная жизнь» в тылу и оккупации. ...*Во время войны* дедушку эвакуировали и отправили в Багуруслан. Его отец и мать ушли на фронт, дедушка и его два брата ходили в детский сад. После его отъезда в их дом в Москве на Моховой попала бомба и убила всех, спрятавшихся в подвале, в том числе и брата отца дедушки. Это была одна из бомб, разорвавшихся в непосредственной близости от Кремля. Бабушка со своими родителями жила в центре Москвы, на Молчановке. Родители работали на заводе, когда работы было много, они не приходили ночевать домой. Бабушке тогда было пять лет, и она оставалась дома одна. Когда начиналась воздушная тревога, она брала рюкзачок, в котором были необходимые вещи, и шла в бомбоубежище на станции

метро «Арбатская» (Даша Одинцова)... Моя бабушка жила в войну недалеко от Челябинска, в деревне Нижняя Петропавловка. Её мама, моя прабабушка, умерла за месяц до начала войны. Отец ушёл в трудармию. Пятеро детей остались одни — бабушка — самая старшая из них, ей было 15 лет... Есть было нечего, особенно весной, но посевную картошку не трогали — ясно было, что если нечего будет сажать — будет ещё хуже. Голодали, но семья, состоящая из пятерых детей, как и все остальные, должна была исправно платить налог на приусадебное хозяйство — 450 литров молока с коровы в год. А корова то не всегда доилась... Не было в деревне ни спичек, ни мыла. Зажженную лучинку оставляли на ночь, чтобы было чем с утра растопить печь... (Саша Курбатова)... Бабушка жила в городе Богородицк Тульской области. Немцы вошли в город в начале ноября 41 года... Люди были напуганы, так как были уже слышаны о зверствах немцев. Из домов почти не выходили, если женщина выходила на улицу, то брала с собой детей — если что случится, чтоб все были вместе... — Был ещё такой случай, — рассказывает бабушка, — немецкий солдат, проходя по улице, угостил меня конфеткой. Я взяла её, но есть не стала — тогда солдат стал жестами объяснять, что у него в Германии остался ребёнок, а сам он не хочет воевать и убивать людей... (Витя Ковалёв) ...Рассказывает моя бабушка: «В срок первом мне было 12 лет. Жили в деревне Бузланово, около Красногорска... Немец приближался. Начали бомбить. Мы с ребятами побежали в окопы, а баба Маша поросёнка оставила, дом настезь, только самовар прихватила и бежит. Сидим в окопах, ждём приказа, когда кончится бой, иной раз приходилось там ночевать. Бабушки молились богу, а мы смеялись, потому что в бога тогда никто почти не верил... (Даша Лысенко).

Рюкзачок пятилетней девочки — бабушки Даши Одинцовой — с которым она ходила в бомбоубежище; зажженные лучинки, спрятанные на ночь бабушкой Сашы Курбатовой; конфета, которую не стала есть бабушка Вити Ковалёва и, наконец, баба Маша — прапрабабушка Даши Лысенко — со своим поросёнком и самоваром — вот она, война. Здесь нет лишних деталей: чем подробнее «подробность», мельче «мелочь» и незначительней

факт — тем сильнее чувство. Именно чувство — потому что, если мы хотим, чтобы война осталась в памяти подростков, мы должны говорить на их языке, на языке эмоций и чувств. Здесь нечто большее, чем история — это восстановление того, что прервалось в России в XX веке, — восстановление памяти о своих предках, памяти о своём роде. Не будем говорить о нравственном воспитании детей, но это действительно воспитание нрава человека, в первичном, не заигранном смысле этого слова. Одна девочка поехала на каникулы к бабушке в другой город — специально, чтобы поговорить с ней. Кто-то расспрашивал бабушку по междугороднему телефону. Другая принесла в школу письмо с фронта, написанное её двоюродным прадедом, и похоронку, полученную через месяц после этого письма... Одна бабушка стала писать о своей жизни — подробные и обстоятельные воспоминания. Бабушки и дедушки рассказали своим внукам то, что они не рассказывали детям, так что папы и мамы наших девятиклассников тоже узнали что-то новое для себя. Что это? История или что-то большее?

Устная история. Заметки к программе курса

Устная история вполне могла бы быть частью курса истории России в девятом и одиннадцатом классе. Конечно, сейчас нет такой утверждённой программы. Я не беру на себя труд составить её и, опираясь на наш опыт, предлагаю только некоторые наброски к возможной программе этого курса. Обычно, чтобы объяснить старшеклассникам, что это такое и почему стоит этим заниматься, я говорю так (вот и пояснительная записка получилась):

«Вокруг нас — живые люди: наши родители, бабушки и дедушки, пережившие войну, оттепель, застой, перестройку. Спросите их: какими они были

в 14–15 лет: во что одевались, что танцевали, во что верили. Вы будете плакать или смеяться, но вряд ли останетесь равнодушными. И это будет настоящая история, Живая История.

Устная история — направление в современной исторической науке. Этим занимаются серьёзные учёные: курс Устной истории читают студентам в университетах, организуются научные экспедиции, проводятся конференции. Этим можете заняться и вы — редкий случай, когда серьёзная наука оказывается интересным и доступным для старшеклассника занятием.

Ниже приведены темы возможных интервью, которые вы возьмёте у родителей, бабушек, дедушек. Первое правило — быть серьёзным и осознавать ответственность: человек рассказывает о своей жизни, о том, что пережил, что любил и во что верил...

Вы можете записать рассказ на диктофон и на основе этой записи сделать письменный текст — это будет лучший вариант: сохранятся все особенности речи рассказчика — слова, обороты, специфические выражения. Все ваши тексты непременно будут опубликованы в альманахе — по ним будут изучать историю ученики следующего поколения!»

И маленькая ремарка для взрослых, учителей:

«Устная история может стать частью общего курса истории в девятом и одиннадцатом классе или остаться отдельным (факультативным, элективным) курсом. Сколько часов выделить на эту работу? Такой историей можно заниматься и весь год — 70 часов, если два часа в неделю. Но скорее всего придётся довольствоваться малым: хотя бы 8–10 часами. А вот и список тем (то есть непосредственное содержание программы):

*Первое послевоенное десятилетие
(1945–1953 гг.)*

«Карточки» (что было на столе советского человека до отмены продуктовых карточек).

«На 48 комнаток всего одна уборная» (жизнь в коммунальной квартире).

«Труд наш есть дело чести...» (о трудовом энтузиазме).

«Страх» (ГУЛАГ в представлении советского человека).

«Праздник со слезами на глазах» (о чём думали советские люди 9 мая 1945 года).

Период «оттепели» (1953–1965 гг.)

«Стиляги» (одежда и то, что она обозначала).

«Партия торжественно заявляет...» (верили ли в возможность коммунизма...).

«А я еду за туманом» (романтическое настроение «шестидесятников» и «комсомольские путёвки»).

Хрущёв в политическом анекдоте.

«Порядки в школе шестидесятых».

Период «застоя» (1965–1980 гг.)

«Очередь» (очередь как реальность повседневной жизни советского человека).

«Праздник» (какие праздники отмечали и как).

«Дачка» (загородный дом и шесть соток).

«На картошку!» (интеллигенция, рабочие и школьники на сельхозработках).

«Дедушка Ленин» (что рассказывали о В.И. Ленине детям в детском саду).

* * *

Устная история — вещь легитимная, не собственная выдумка. История, построенная на воспоминаниях отдельных людей, — признанное направление в современной науке, часть школьного курса

во многих странах мира. Важно не то, что эта история «устная», «неписменная» — рассказанные истории могут быть и записаны. Устную историю интересуют другие вопросы, чем историю официальную: обычная жизнь обычного человека, то, что в исторической науке принято называть «повседневностью». Одежда, питание, жилище, транспорт — как повседневность в узком смысле слова. И способы видения мира, восприятие отдельных исторических событий, восприятие социальных изменений и в обществе, и в семье. Повседневность как некая противоположность истории процессов и событий.

Устная история всегда будет в некоторой оппозиции к школьному курсу истории, ведь школьный курс имеет определённую идеологическую задачу, сформулированную государством: в советские времена — воспитание человека коммунистических убеждений; и вся история была показана как история борьбы классов с неминуемым торжеством идеи коммунизма.

А кино будет?

Пространство устной истории невелико, оно ограничено памятью двух-трёх поколений, сегодня это история второй половины двадцатого столетия. Но как же остальная история человечества? Что может заменить или хотя бы дополнить учебник при изучении Античности, Средних веков, Древнего Китая? Можно смотреть фильмы.

Больше всего ребёнок на уроке любит смотреть фильм. А я больше всего люблю смотреть на детей, которые смотрят фильм. Умные лица, неподдельный интерес.

Фильм на уроках истории — это как эксперимент на физике, лабораторная — на химии, прогулка в лес — на биологии. Там, на точных науках, можно посмотреть и потрогать — на истории не переместишься в эпоху строительства пирамид. Но есть фильм! Эффект присутствия максимальный. На какие-то мгновения стирается грань: изображение на экране становится частью жизни, и ты уже там — в лаборатории средневекового алхимика, на борту Арго вместе с Ясоном, на строительстве Великой стены в эпоху Хань...

Я «задал себе урок» в этом учебном году: каждый раз показывать детям фрагмент фильма. Минут двадцать — на пару уроков. Один фильм в неделю. Хороших фильмов так много, что хватило бы на лет десять...

Фильм — это способ соединить удовольствие и пользу. И все нужные знания и умения, так называемую компетенцию, можно извлечь из этих просмотров: мы пишем план, мы задаём вопросы, мы ищем на них ответы. В результате получается не плоское знание учебника, а более объёмное, многомерное.

Конечно, всегда найдутся «сильные учителя» и серьёзные родители, которые скажут, что «и так они читать перестали», «что надо учить, а не забавлять» и проч. Надо. Но когда я смотрю на лица детей, которые смотрят фильм...

Фильм, вызывающий настоящий, неподдельный интерес, — это первый шаг к чтению. Седьмой класс загорелся изобретениями Леонардо да Винчи (показал им фильм о том, как в XX веке по чертежам Леонардо сделали парашют и танк). Ладно, мальчишки — это можно было предвидеть, но и девчонки загорелись... Вот теперь и время брать книжку в руки.

Учить, а не забавлять? Вообще такое видение мира: либо «учить» или «забавлять», либо «обязательно» или «интересно» — это профессиональная черта «сильных учителей». Привыкли в себе подавлять все желания и от детей хотят того же. Расслабиться бы — и всё получится. Но не могут.

Фильм — это, конечно, «забава». Настоящая забава, которая лучше и полезней ваших, дорогие коллеги, монологов у доски, штудирования учебника, рисования схем и заполнения таблиц.

Фильм — это прямой путь к сердцу ребёнка: фильм пробуждает чувства,

заставляет переживать, будит воображение, создаёт образы. Это начало другого, «нешкольного знания», в основе которого ощущения и образы. Ощущение — от слова «ощупь». По возможности, ребёнку надо всё потрогать своими руками, пощупать. Психологи называют это «тактильно-кинестатическим языком кодирования информации». А что нельзя потрогать руками, можно увидеть и представить — наглядно-образный язык кодирования. Лучше один раз увидеть...

Итак, каждая тема начинается с фильма...

Разумеется, мы не просто «кино смотрим». Фильм настолько богат всякими полезными веществами, что надо постараться выжать из него все эти «витамины и аминокислоты».

Фильм — всегда начало темы. Никаких «вступлений», «объяснений» и «обратите внимание на...». Просто выключаем свет и смотрим... Фильм сам порождает вопросы. А дети сами разберутся, на что надо обратить внимание.

Сеанс закончен, включили свет. Первое задание: «краткое содержание просмотренного», иначе говоря — «план». Разумеется, я не диктую план — дети пишут его сами. Пять минут на разговоры в группе, чтобы «прокрутить» ещё раз киноленту в голове и выделить «важные моменты».

Очень толковая работа. Возможно, это один из главных школьных навыков или, как говорят в последние годы, «компетенций» — умение составлять план. Как рассказывал преподаватель университета Мориса Тореза, африканские студенты не понимают, что такое «составить план» — они получили другое, неевропейское образование. Наши шестиклассники это делают легко, достаточно один раз объяснить. И я уверен, что, став через пять лет студентами, они не будут скрипеть перьями (стучать по клавиатуре ноутбука), пытаясь записать каждое слово лек-

тора: ведь не надо записывать каждое слово — надо уметь сокращать и «сжимать», то есть писать план.

Ещё одна ремарка: полезнее записывать «план фильма», чем «план параграфа». В параграфе — там всегда главные мысли выделены жирным шрифтом. И ученик думает, что это действительно «главные мысли». А с фильмом такая штука не пройдёт. Ребёнка не обманешь: он выделит и запишет то, что действительно произвело на него сильное впечатление...

Последнее — я стараюсь не говорить детям слова «план». Всё проще: «Вам завтра надо будет рассказать родителям о том, что увидели, — сделайте записи, чтобы легче было вспомнить...» Да, кстати, «пунктов» такого плана «плана» должно быть шесть-семь, не больше.

После просмотра делаем краткую запись. «Составить план» и пересказать содержание — это не больше, чем развитие памяти. Дело хорошее, но не самое главное. Важнее — умение, извините, думать. И если наша старая добрая школа память как-никак развивала: «повтори, повтори ещё раз...», то с этим вторым умением было совсем «никак». Мы осознали этот пробел, и тут посыпались в него всякие хитрые «технологии развития мышления»: ТРИЗ, входящие в моду «шесть шляп господина де Боно», «технология развития критического мышления через чтение» и прочие американские штучки. И наша бесформенная русская душа готова принять любую форму — главное, чтоб прилагалась инструкция на русском языке: как включать в сеть, сколько порошка сыпать...

А ведь просто всё. Что такое «умение думать» или «мышление»? Способность искать ответы на вопросы. Главное, чтобы вопросы были хорошими, на которые нет единственно правильного ответа, когда «может быть так», но «и так возможно». Психологи называют это «дивергентным мышлением». Но я редко задаю детям

вопросы — даже такие вопросы: «Вот вам ещё пять минут работы в группе (переворачиваю часы), предложите сами вопрос на обсуждение». Что вас больше всего удивило в фильме? Что показалось странным? О чём бы вы хотели поговорить? Какую проблему поставили на обсуждение, если бы были учителем?

Конечно, бывают вопросы поверхностные, но бывают и по сути. Один-два «сущностных вопроса», рождённых детьми, ставлю на обсуждение: если Леонардо да Винчи родился на век раньше, мог бы он совершить эти открытия? Почему христианская церковь призывала человека воздерживаться от скоромной пищи более ста дней в году — почти треть года? Сто тысяч лет Европу населяли и неандертальцы, и кроманьонцы — почему первые вымерли, а вторые стали «человеками разумными»? Как говорил Клод Леви-Стросс, «настоящий учёный не тот, кто отвечает на вопросы, а тот, кто задаёт их».

Мы смотрим фильм

Дети делают «записи для памяти». Сами ставим вопросы для обсуждения.

«А сами как думаете? Как бы вы ответили на эти вопросы?» — ещё пять минут работы в группах.

От каждой группы выступает один человек. Выслушали трёх-четырёх человек — три-четыре мнения. Я могу себе позволить в конце высказать и собственный вариант ответа. На «хорошие вопросы» нет одного ответа, а порой на них вообще нет ответа.

Я понял, в чём главная проблема школы: тут всегда всё ясно. А если что-то неясно, если кто-то что-то недопонял — значит плохо объяснил учитель... Надо так, чтобы «от зубов отскакивало». Что нехорошо, впрочем, и для зубов, и для мозгов.

Знание, выраженное словами, не есть настоящее знание — вольный перевод первого чжана «Дао дэ дзин». По крайней мере, это касается «гуманитарных наук». В настоящем знании больше непонимания, чем определённости; сомнения, чем уверенности; вопросов,

чем ответов. Оно скорее «незнание», чем «знание».

* * *

А давайте сегодня фильм посмотрим!» — с тайной надеждой просят шестиклассники. «А что, мы сегодня кино смотреть будем?» — это кто-то из девятого класса, увидев несвёрнутый экран на стене. «А сделайте нам спецкурс по фильмам, как в восьмом классе было...» — это Никита из десятого...

Больше всего дети на уроках истории любят смотреть фильмы. Что остаётся мне, учителю? Научиться извлекать максимум пользы из «этого кино». Вот мы и отработываем все «ключевые компетенции» на просмотре фильмов: учимся составлять план, пересказывать по плану содержание, ставить проблемы, искать ответы на вопросы, вести дискуссию, работать в группах. Наблюдение — структурирование информации — постановка проблемы — поиск ответов... Вместо фильма может быть и рассказ учителя, и учебник, и исторический документ — последовательность действий будет та же. Так можно работать с любым текстом на уроке истории.

Какой бы ни был текст, мы сначала воспринимаем и «укладываем» в голову новую информацию, потом задаём вопросы и ищем на них ответы. Очевидно, это простейшая цепочка исследовательского метода на уроках истории. А может, и не только на истории. Разве не так происходит на уроках биологии или литературы, физики или географии: наблюдение, эксперимент, чтение текста, экскурсия... Удивление: от столкновения привычного с новым. Поиск ответов, которые, в свою очередь, рождают новые вопросы.

И если мы сможем не просто «объяснять новый материал», а вести ребёнка

по этому непростому, но интересному пути через сильные впечатления от столкновения с новым, через удивление и непонимание — к собственным предположениям и догадкам, тогда у нас получится совсем другая школа. И совсем другой урок: не «объяснение-закрепление-контроль», а урок как маленькое собственное открытие...

«Неучебник» по истории

Итак, на уроках истории мы стараемся обойтись без учебника. Старый или новый, с картинками или без, такая ли уж это разница. Учебник — он всегда учебник.

Сравним учебник современный и доперестроечный — качество печати, картинки. И по содержанию: вместо вариаций на тему производительных сил и производственных отношений — рассказы о великих людях и интересных событиях. Сравнивая два эти учебника, можно, казалось бы, только радоваться тому, как всё изменилось.

А теперь представьте, что вы — ученик, и к завтрашнему уроку вам надо выучить параграф. Прочитайте несколько страниц этого учебника, попробуйте пересказать. Не запоминается? Читайте второй, третий раз... Да надо ли рассказывать, как учить параграф? Учите, как учили 20 лет назад.

Как же детский интерес, сотрудничество, мышление? Как должен сегодня учитель формулировать домашнее задание? И что делать ученику дома с параграфом: посмотреть картинки, пролистать, прочитать, выучить... Скажем откровенно: учебник надо зубрить или не открывать вообще. Потому что «чтение» ничего не даёт — рассказать о прочитанном невозможно: не запоминается.

Чтобы предложить что-либо взамен, надо сначала разобраться, что такое текст учебника — произвести своего рода вскрытие. Понять: из чего же «сделан» учебник истории? Из фактов и выводов.

Факты. По сравнению со старым учебником их стало больше и изложены они интересней. Но все эти «рассказы» не задевают ни сердце, ни разум ребёнка.

Выводы. Обобщения — в конце каждого параграфа (они выделены шрифтом) и в скрытой форме — в каждом абзаце. Именно в этих обобщениях, которые школьные дидакты называют понятиями(!), без которых якобы нельзя ничего понять... и есть главная причина того, что учебник «не запоминается». Из-за этих «понятий» ученик ничего не понимает. Не задевающие воображение и не трогающие душу ребёнка, слова становятся мячиками для эквилибристики: их можно ловко подбрасывать и при этом создаётся впечатление, что человек «думает», «делает выводы», «мыслит». Впечатление! Нельзя думать чужими мыслями. Лучше ничего не понимать, чем всегда иметь наготове «понятия» из тех, которые набраны в конце параграфа жирным шрифтом.

Можно ли написать такой учебник по истории, который ребёнок (да и взрослый) будет читать как Книгу? Вместо того чтобы, говоря о Древнем Китае, рассуждать о конфуцианских ценностях, четырёх добродетелях и сыновней почитательности, стоит просто рассказать такую, например, историю:

В княжестве Чу жил некий человек по имени Вэн Ши. Он был уже в почтенном возрасте: волосы его были цвета рисовых зерен, а спина прогнулась, как коромысло. Он жил вместе с отцом, который был настолько стар, что никто в деревне не мог назвать его возраста. Однажды отец заболел. Тогда Вэн Ши оделся в одежду маленького ребёнка — майку и короткие штанишки — и стал прыгать на деревянной лошадке во дворе дома. Сосед, проходя мимо, поинтересовался у него о причинах столь странного поведения. «Дело в том, — ответил Вэн Ши, — что мой отец очень стар и болен, а я никак не могу облегчить его страдания. Я хочу, что-

бы он, посмотрев в окно и увидев меня, прыгающего на деревянной лошадке, вспомнил те годы, когда я был ребёнком, а он — молодым и сильным...»

Почему эта история запоминается? Слушая или читая, мы видим старика-китайца на деревянной лошадке. И видимо (*видимо!*), такие образы лучше проникают в нашу память и прочнее в ней оседают.

Отличие этой книги от учебника не только в том, что она содержит яркие, потрясающие истории. Это книга с широкими полями для рисунков детей. Такие рисунки — не опорные сигналы Шаталова: рисуется не общее, а конкретное, не выводы, а образы. Нет ничего проще: надо сесть поудобнее, не спеша прочитать «яркую историю», представить её и нарисовать...

Ребёнок рисует на бумаге то, что он услышал от учителя или прочитал. Он рисует старичка на деревянной лошадке... Рисует, как рисовал средневековый монах на полях переписываемой им книги маргиналии (буквально «картинки на полях»). Рисует, становясь соавтором этой книги или единственным Автором её, потому что

у Неучебника — сборника фактов автора, в привычном понимании слова, нет.

До какого возраста можно рисовать на полях? До класса седьмого-восьмого; и не потому, что потом это не имеет смысла: начинается изучение современной истории, в которой слишком много грустных сюжетов. Старшеклассник уже не рисует маргиналии, но это мало что меняет в его восприятии материала: он рисует «картинки» мысленно: образы на бумаге становятся мысленными образами — *мыслеобразами*.

* * *

Учебник истории, как жанр, должен уступить место другой книге — антологии: подлинным историческим документам или их пересказу в доступной для ребёнка форме. Так как эта книга в принципе не учит: здесь нет ни выводов, ни резюме, ни «понятий», то её, в память об учебнике истории, можно было бы назвать *неучебником* по истории. **НО**

Журнал для педагогов учреждений дополнительного образования. Цель издания — с помощью поддержки и распространения творческих практик способствовать развитию способностей воспитанников, формированию у них нравственных, эстетических понятий, воспитанию всесторонне развитой личности.

Одна из самых сложных проблем — работа с одарёнными детьми. Как выявить одарённость? Как создать условия для её развития? Мы будем вместе с вами искать ответы на эти вопросы. В журнале публикуются творческие работы детей (литературное, техническое, прикладное и другое творчество). Педагоги делятся своим опытом в «Мастер-классе», что обогащает копилку знаний и умений наших читателей. Мы надеемся, что журнал станет другом и советчиком и для педагогов, и для воспитанников.

Главный редактор Ерегина Т.Н.

Подписка на журнал «Детское творчество» в каталоге «Роспечать».

Подписные индексы **71980** для индивидуальных подписчиков

71981 для организаций